

Кавех редко испытывал к чему-то настоящую неприязнь. Но когда он своими глазами увидел этих бесчувственных существ, которых язык не поворачивался назвать людьми, он всем сердцем возненавидел это место.

Аранары — духи, приносящие добрые сны, которых могут видеть только дети. В Сумеру в это поверили еще крепче, когда другой ребенок написал о них прекрасную сказку.

Кавех тоже подарил одному малышу прекрасный сон. Правда, случилось это при весьма грустных обстоятельствах: мальчика избили другие дети до полусмерти, и Кавех лишь успел незаметно оставить ему немного целебного снадобья. Очнувшись, ребенок, скорее всего, решит, что ему помог какой-то неведомый лесной дух.

Подобно клану Камо, который, дорвавшись до власти, свил себе мрачное гнездо вседозволенности, такие семьи не вызывали у Кавеха ничего, кроме отвращения. Пройти мимо, сделав вид, будто ничего не замечает, он просто не мог. Словно черные пауки, они откладывали яйца, из которых выползали полчища новых мерзких тварей.

Родись эти дети в мире обычных людей, они могли бы радоваться солнечному свету, бескрайним полям и шуму океана. Но здесь, в мире магов, в тисках подобного клана, им суждено лишь послушно ткать чужую паутину. Безысходность, от которой сжималось сердце.

Если бы он спросил Масамичи Ягу:

— Как думаешь, ждет ли их впереди хоть что-то хорошее?

Яга наверняка ответил бы:

— Смотря что считать для них «хорошим» — искреннюю чужую доброту или власть над другими.

И судя по горькому опыту, большинство выбирало второе.

— Но раз уж я решил стать учителем, мне нужно набраться терпения, — продолжил бы Яга. — Какими бы ни предстали предо мной эти дети впервые, плохими или хорошими, я должен верить, что смогу направить их на верный путь. Если мне встретятся такие ученики, я сделаю все, чтобы защитить их.

В руках Масамичи Яга держал недоделанную проклятую куклу, похожую на панду. Каждый раз, когда задачи Кэндзяку до предела натягивали его нервы, он доставал этого забавного зверька, чтобы немного перевести дух.

За два дня до окончания работы над куклой Яга отчетливо разглядел тщательно скрываемую злобу в глазах Кэндзяку.

Не предупреди его Кавех заранее, он бы, скорее всего, просто держался от нанимателя подальше — в конце концов, выходцы из Трех великих кланов вечно славились своим несносным нравом. Однако, присмотревшись внимательнее, Яга заметил все те странности, о которых говорил архитектор: едва уловимые, жуткие черты, присущие скорее мертвецу, нежели живому человеку.

«Знают ли об этом в клане Камо?»

«Или, быть может, догадывается кто-то еще?»

Масамичи Яга предчувствовал зловещий, глубокий заговор. Это существо наверняка таилось в тени долгие годы, оттачивая свое актерское мастерство до тех пор, пока его игра не стала безупречной и неотличимой от настоящей жизни.

— Яга? Ты порезался, — заметив выступившую на пальце кровь, негромко произнес Кавех.

— Прости... — глухо отозвался Яга.

Зная, что истинной мишенью чудовища является он сам, Масамичи чувствовал невольную вину перед Кавехом. Архитектор был удивительно благородным человеком, наделенным редким для магов милосердием и несгибаемой волей. Неудивительно, что старый директор выбрал своим преемником именно его.

Кавех уловил скрытый смысл его извинений, и это вызвало у него странное чувство. Обычно именно ему приходилось без конца просить у всех прощения.

— Оставь это. Я сам напросился, чтобы разузнать все на месте, так что спасибо, что взял с собой. Лучше давай обсудим этого уродца. Как нам с ним сладить?

У них оставались всего сутки. Любые их попытки предпринять что-либо наталкивались на глухую стену правил, которыми прикрывались слуги клана Камо. Попробуй они рассказать о своих подозрениях старейшинам, им бы никто не поверил, а сами они лишь выдали бы себя перед монстром раньше времени.

— Неужели придется покорно ждать смерти? — со вздохом произнес Яга.

Несмотря на свои упаднические слова, сдаваться он не собирался и тут же принялся обсуждать с Кавехом план действий.

Время неумолимо истекало, и завершение работы над проклятой куклой больше нельзя было

откладывать. Настал момент, когда Яге пришлось сойтись лицом к лицу со своим зловещим заказчиком.

Чужак принялся медленно, дюйм за дюймом ощупывать проклятую куклу. Оболочка вышла на удивление похожей на живую плоть. Затем Кэндзяку, похоже, удовлетворенно улыбнулся и велел Яге уйти.

Разумеется, Яга не собирался подставлять врагу спину. Не сводя глаз со стоящей перед ним твари, он медленно, шаг за шагом пятился к выходу.

— Погляжу, маги из колледжа не забыли старинных манер, — с жутковатой, застывшей улыбкой произнес Кэндзяку.

Его немигающий взгляд буравил Ягу. Заметив предельную настороженность мужчины, древний монстр лишь забавлялся, словно сытый кот, играющий со слабой мышью перед тем, как перекусить ей хребет.

Покрывшись холодным потом, Яга судорожно сжал проклятую куклу — одну из немногих уцелевших, ведь большую часть его творений слуги клана Камо заставили оставить за порогом.

«Бежать!»

Но разве Кэндзяку позволит ему уйти?

Веками это отвратительное создание захватывало чужие тела, продлевая свое жалкое существование. Бесчисленное множество раз оно совершало свои гнусные злодеяния, оставаясь незамеченным. Чудовище всегда отличалось крайней осторожностью, забирая оболочку лишь тогда, когда убеждалось в окончательной смерти жертвы.

Однако сейчас его одолевала спешка. Сокрушительный удар Бьякура на лишил Кэндзяку почти всех козырей. Он даже не рискнул потревожить оставшиеся проклятые зародыши, опасаясь, что они почуют его слабость.

— Вيني во всем лишь капризную судьбу, — раздался тихий голос. — Раньше я бы и смотреть не стал на мага твоего уровня.

Глубоко внутри чужой плоти, под черепной коробкой марионетки из клана Камо, Кэндзяку беззвучно оскалился. Стоило лишь прикончить Ягу, и в его распоряжении окажется не только безупречный секрет создания мыслящих проклятых кукол, но и новое, крепкое тело.

Эта вынужденная мера неожиданно открыла перед ним новые горизонты. Больше не нужно было ограничивать себя магами или проклятыми существами. Если его зрение не обманывало, этот невзрачный Масамичи Яга втайне сумел вырастить нечто поистине невероятное —

одушевленную проклятую куклу.

«Ха, какая удача...»

Идеальный подопытный материал сам пришел к нему в руки.

Кэндзяку скользнул взглядом ниже, к карману Яги, откуда выглядывала недоделанная панда — маленькая игрушка, дарившая своему создателю молчаливую поддержку.

Яга резко метнул вперед заготовленную проклятую куклу, а сам, выхватив проклятое оружие, со всей силы обрушил удар на запертую дверь.

Но Кэндзяку предвидел этот шаг. Дверь давно запечатал барьер клана Камо: даже если бы комната превратилась в груды обломков, снаружи никто бы ничего не заподозрил.

— Бессмысленное сопротивление — удел глупцов.

Кэндзяку жаждал заполучить это тело ради уникальной техники его владельца. Хотя она и уступала прославленной ****[Манипуляции кровью]****, но все же давала превосходные возможности для боя на любой дистанции. Легким движением руки он метнул веер бумажных талисманов, которые мгновенно разлетелись по углам. Из них со свистом вырвались тяжелые черные цепи и устремились прямо к Яге.

Хотя Яга привык полагаться в бою на свои творения, сам он тоже не был слабым бойцом.

Яростно отбиваясь проклятым оружием, он скрепя сердце бросил в бой последние крохи своего кукольного арсенала, надеясь выиграть хотя бы несколько секунд для побега. Но силы были слишком неравны. Все попытки позорно провалились, и уже через мгновение черные путы спеленали его по рукам и ногам.

— Слабовато бьет, да и держит недолго, но радиус поражения весьма недурен, — с довольной улыбкой произнес Кэндзяку.

Он не спеша двинулся вперед, лениво рассуждая об использованной технике так, словно владел ею с самого рождения.

Победа была у него в кармане, а потому спешить не имело смысла. Кэндзяку искренне мнил себя великим ученым с высокими идеалами и нисколько не скрывал, что находит извращенное удовольствие в сеянии хаоса. Перед своими жертвами он всегда представал могущественным и загадочным — лишь так можно было заставить глупцов добровольно вымостить ему дорогу к триумфу.

— Не беспокойся, твои изыскания по оживлению проклятых кукол не пропадут даром. Я доведу их до конца.

Невыносимая обида и гнев захлестнули Ягу. Он переживал не за себя — все его мысли были о «детях», укрытых в чаще леса. Если это чудовище доберется до них, их участь окажется страшной: их либо безжалостно разорвут на куски, либо перекроют в бездушных монстров, которых он сам никогда не признает своими.

Отбросив последние сомнения, за мгновение до того, как острые когти Кэндзяку должны были пронзить его грудь, Яга закричал, взывая к союзнику, притаившемуся под самой крышей:

— Кавех!

Рука древнего духа на мгновение замерла.

И этой короткой заминки хватило. Сверху с шумом обрушился мощный поток воды, несущий в себе чуждую, неведомую Кэндзяку энергию. Едва коснувшись пола, она разродилась россыпью ярко-зеленых Дендро-семян.

Раздалась серия оглушительных взрывов.

Столкновение двух совершенно разных миров: магии первозданной природы и проклятой энергии, порожденной людской злобой и страхом. Чья сила окажется преобладающей в этой схватке, предугадать было невозможно.

Воспользовавшись тем, что взрывной волной ослабило путы, Яга — сыгравший роль идеальной приманки — рванул на свободу и вновь атаковал барьер. Он прекрасно понимал: раз уж враг так тщательно подготовился, то меньше всего на свете он желает привлечь внимание клана Камо.

Увы, за тысячу лет жизни Кэндзяку довел искусство возведения барьеров до совершенства.

Этот купол был куда меньше обычной **[Завесы]**, но в разы прочнее. Второсортное проклятое оружие Яги, заработанное потом и кровью на бесчисленных заданиях, не оставило на нем ни царапины. Пусть Кэндзяку и лишился своих лучших марионеток, его личное могущество ничуть не угасло. Пропать опыта, накопленного веками, была слишком глубока.

— Я ведь предупреждал, что сопротивление бесполезно, — лениво обронил Кэндзяку.

Мазнув по сторонам раскосыми глазами, он незаметно выставил ловушку прямо за спиной подоспевшего Кавеха. Резким взмахом рукава чудовище выпустило сотни новых бумажных талисманов. Они закружились в воздухе, заполняя все пространство комнаты и смыкаясь в еще более прочную, непреодолимую клетку.

— А ты, как я погляжу, зашел куда дальше, чем мне казалось. Надо же, создать по-настоящему живую проклятую куклу... Признаю, я недооценил тебя.

В его устах похвала звучала ядовитой насмешкой. Кто-то сумел пробить дорогу в том направлении, которое Кэндзяку всегда считал тупиковым и ничтожным, а теперь все эти плоды достанутся ему без малейших усилий.

— Спи спокойно. Обещаю, что продолжу твое дело и продвинусь по этому пути гораздо дальше.

Он протянул бледную руку, намереваясь довершить начатое. Острые, как лезвие бритвы, когти неумолимо приближались к груди Яги, готовые навсегда оборвать яркую жизнь этого человека и похоронить его в бездонной паутине заговора.

<http://bllate.org/book/18256/1755730>